

Но 12 сентября вследствие происходивших в стране волнений партия патриотов предложила в видах успокоения страны придать постановлениям 4 августа форму торжественной декларации; для этого большинство решило *представить эти постановления на санкцию короля*, несмотря на сопротивление контрреволюционеров, которые предпочли бы, чтобы об этих постановлениях больше не было речи.

Уже в понедельник, 14 сентября, патриоты увидели, однако, что слово *санкция* может вызвать недоразумение. В Собрании речь шла как раз о «задерживающем вето» (*veto suspensif*), т. е. о праве задержать принятый Собранием закон, которое хотели предоставить королю, и Барнав заметил, что такое вето неприменимо к постановлениям 4 августа. В том же смысле говорил и Мирабо. «Постановления 4 августа, - сказал он, - составлены учредительной властью; поэтому они не подлежат санкции. Постановления 4 августа - не законы, а принципы и основные конституционные положения. И когда мы обратились к королю за санкцией для актов 4 августа, мы собственно обратились к нему за *обнародованием* (*promulgation*) их». Тогда Ле Шапелье предложил заменить по отношению к этим постановлениям слово *санкция* словом *обнародование* и прибавил: «Я считаю, что постановления, которым Его величество выразил свое бесспорное одобрение как в письме, переданном им мне, когда я имел честь говорить от имени собрания (в качестве представителя), так и служением благодарственного молебна в королевской часовне, не нуждаются в санкции короля».

Тогда внесено было предложение, чтобы Собрание отложило обсуждение стоящего на очереди вопроса (о вето) до того времени, когда произойдет обнародование королем постановлений 4 августа. Общий шум. Заседание закрывается; никакого решения не принято.

15-го - новые прения без результата; 16-го и 17-го говорят совсем о другом: о порядке престолонаследия.

Наконец, 18-го получается ответ от короля. Он выражает свое одобрение общему духу постановлений 4 августа, но замечает, что по отношению к некоторым из них он может выразить свое согласие лишь условно; затем он заканчивает следующими словами: «Итак, я одобряю большую часть этих пунктов и санкционирую их, *когда они будут составлены в виде законов*». Этот ответ, затягивавший дело, вызвал большое неудовольствие; депутаты повторяли, что от короля требуется только простое обнародование постановлений и что он не может отказать в этом. Было решено, что председатель отправится к королю и будет умолять его немедленно дать распоряжение об обнародовании. Ввиду угрожающего тона речей ораторов в Собрании Людовик XVI понял, что нужно уступить; но и тут он стал придирается к словам: 20 сентября, вечером, он передал председателю (Клермон-Тонеру) ответ, в котором говорилось: «Вы просили меня санкционировать постановления 4 августа... Я вам сообщил замечания, которые я мог сделать по поводу их... Теперь вы просите об *обнародовании* тех же самых постановлений; *обнародованию* подлежат законы... Но я уже сказал вам, что одобряю общий дух этих постановлений... Я издам распоряжение об их *опубликовании* по всему государству... Я не сомневаюсь, что смогу дать свою *санкцию* всем тем *законам*, которые вы издадите относительно разных предметов, указанных в этих постановлениях».

Таким образом, если в постановлениях 4 августа выражены только одни принципы и теоретические взгляды, если мы напрасно стали бы искать в них конкретных *мер* и прочего, то это потому, что таков и должен был быть характер этих постановлений, ясно определенный Собранием в 19-м пункте. 4 августа было провозглашено в *принципе* уничтожение феодального строя; затем было сказано, что Собрание издаст *законы* для проведения этого принципа в жизнь и что это будет тогда, *когда будет закончена конституция*.

Можно, если угодно, критиковать такой метод работы, избранный Собранием; но нужно заметить, что оно никого не обманывало и не изменяло своему слову тем, что не издавало законов *сейчас же*, раз оно обещало издать их лишь после *конституции*. А когда в сентябре 1791 г. конституция была закончена, Учредительному собранию пришлось удалиться и уступить место Законодательному собранию.

Это примечание Джемса Гильома проливает новый свет на тактику Учредительного собрания. Когда война крестьян против помещичьих замков поставила на очередь вопрос о феодальных правах, перед Собранием было два выхода. Оно могло заняться выработкой *законопроектов* о феодальных правах, обсуждение которых заняло бы целые месяцы или, вернее, годы и ввиду разногласий в среде самих представителей не привело бы ни к чему, кроме раскола в Собрании, который привел бы к его роспуску королем (В эту ошибку впала русская Дума 1905 г. при обсуждении земельного вопроса). Или же оно могло ограничиться провозглашением нескольких *основных начал*, которые должны были